

УДК 94(470.5).063/.65:37

Сафронова А. М.

ПЕРВЫЕ ШКОЛЫ ПРИ СЫСЕРТСКОМ ЗАВОДЕ В XVIII в. (1735 – 1750-е гг.)

В статье на основе архивных документов впервые реконструируется деятельность первых школ при Сысертском заводе в 1735–1742 гг. Характеризуются количественный, возрастной и социальный состав учащихся, использование их в интересах завода и распределение к делам; решение вопроса с подбором учителя. Раскрывается активная роль мастеровых завода в возобновлении обучения детей в 1748 г. за счет найма учителя за плату родителей, роль заводской канторы и уральского начальства в этом процессе и восстановлении прерванного учителем обучения в 1752 г. Деятельность заводской школы за счет оплаты родителями труда учителя являлась новшеством на горнозаводском Урале и отражала понимание мастеровыми людьми важности школьного обучения своих детей.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, горнозаводские школы, завод императрицы Анны (Сысертский), учителя, учащиеся, платное обучение.

Возвращение Татищева на Урал в октябре 1734 г. в качестве начальника казенной промышленности сыграло большую роль в развитии сети учебных заведений при заводах, и вместо двух школ в Екатеринбурге была создана разветвленная их сеть и при других казенных предприятиях. К сожалению, в литературе имеется крайне мало сведений об учебных заведениях, открытых при уральских заводах в 1730-е гг., и мы не имеем данных для сравнительного анализа успешности школ, количества выпущенных учеников, социального и возрастного состава учащихся и практического решения проблемы учительских кадров.

В нашей статье объектом изучения стала школа, открытая в 1735 г. при заводе императрицы Анны, построенном в 1733 г. на реке Сысерти, и вошедшем в историю также под названием «Сысертский нижний, императрицы Анны». По нашим подсчетам, школа при Сысертском заводе стала седьмой, появившейся в 1735 г. при казенных предприятиях вслед за Егошихинской, Уктусской, Лялинской, Алапаевской, Каменской и Пыскорской, и она имела свои особенности. После закрытия властями большей части школ в 1742 г. Сысертская была восстановлена по инициативе мастеровых, пожелавших обучать детей, оплачивая самим труд учителя. Это было новым явлением при заводах в XVIII в. и единственным в своем роде.

О школе при Сысертском заводе встречаются отдельные упоминания в литературе. Н. В. Нечаев привел данные справки за 1737 г.

о числе учащихся в школах на жалованье и без жалованья, в т. ч. Сысертской (18 на жалованье, 12 нет) [см.: Нечаев, с. 47]; В. И. Будрин – данные о числе учащихся в школах за 1735–1742 гг., в т. ч. Сысертской, сообщил о продолжении деятельности школы по желанию мастеровых в 1748–1751 гг. Будрин ошибочно полагал, что арифметике в школе обучали управитель работ Петр Зеленой, а затем надзиратель работ Никифор Бекетов [см.: Будрин, с. 73, 87, 59]. Нами приводились данные о периоде работы школы, учителя и возобновлении обучения в 1748 г. [см.: Сафронова, с. 286, 299, 255].

Источниками для реконструкции истории Сысертской школы послужили документы ф. 24 Уральского горного управления Государственного архива Свердловской области: определения Канцелярии Главного заводов правления о школах, доношения управителей Сысертского завода в Канцелярию по вопросам деятельности школ и ведомости об успехах учащихся, посылавшиеся по третям года в Канцелярию.

Прежде всего следует рассказать о первых действиях В. Н. Татищева в отношении открытия школ в 1734–1735 гг. Уже 15 октября 1734 г., через две недели после прибытия в Екатеринбург, Татищев издал указ на имя гитенфервальтера Юдина с предписанием провести перепись детей школьного возраста на территории заводского ведомства от шести лет и выше и выяснить, кто из родителей может взять на себя питание ученика. 22 октября решение об этом было принято и на заседании Канцелярии Главного заводов правления [ГАСО, оп. 12, д. 215, л. 112 об.].

4 января 1735 г. начальство во главе с Татищевым предписало: «О школах послать на все заводы указ, чтоб немедленно потребные к тому покои выстроили и прежде хотя б словесному, взяв дьячков или кто способен к научению явится и собрав детей, читать и писать обучили, а затем арифметики и геометрии обучать определенным ныне шихтмейстерам или надзирателям работ» [Там же, д. 216, л. 17–18].

Через месяц, 8 февраля 1735 г., Татищев с «товарищи» вынесли ряд новых решений, касающихся школ: «на других заводах по силе прежних определений учинить о зборе в школы против вышеписанного ж каждому управителю в своем ведомстве». Было принято решение и о нормах выдачи казенного жалованья учащимся. Оно полагалось детям, чьи отцы получали в год менее 25 руб., но если дети обучались вдали от семьи, жалованье полагалось им и при более высоких окладах. В словесной школе жалованье составляло по 3 руб. в год, в арифметической – по 4 руб. Были определены и нормы жалованья учителей словесных школ – по 18 руб. в год, арифметике, если не будет особого учителя, полагалось обучать надзирателям работ без особой платы [Там же, д. 217, л. 62–65].

Приготовления к открытию школы при Сысертском заводе началась весной 1735 г. Получив предписание о проведении переписи и запрос начальства: «ежели учредить школу, то способное на то строение есть ли, или потребно построить, и во что оно станет учинить чертеж и смету, и для обучения словесного, письма, арифметики и геометрии учителя есть ли?» 17 мая 1735 г. Сысертская контора сообщала, что перепись проведена, и у кого дети имеются для обучения, прилагается ведомость (она, к сожалению, в деле отсутствует), «а пропитание от родителей никто не имеет», и учителей при заводе не имеется. Нашлось готовое помещение для школы: «имеетца здесь светлица, срублена из бревен, покрыта дранью, которая назначена была к делу мехов, одна, в которой и поныне дела мехов не имеетца, ... а ценою оная стала без сений, окончин и печи» – 12 руб. 97 коп., если ее достроить, то станет в 26 руб. 47 коп. [Там же, оп. 1, д. 577а, л. 155–155 об.].

Уже через неделю, 27 мая 1735 г., уральское начальство предписало И. Юдину, назначенному от Канцелярии отвечать за деятельность школ, «подыскать учителя из свободных, буде же свободного не сыщется, избрав одного ... хотя из ссыльных, токмо б не раскольник был, и представить Канцелярии», также купить нужное количество книг, справясь, если не определено, то купить на Макарьевской ярмарке [Там же, л. 157; оп. 12, д. 220, л. 237].

Вопрос с подысканием учителя затянулся. Лишь 6 октября 1735 г. Юдин сообщил начальству: «приискал я в учителя публично наказанного, которой и дело снести может и арифметик знает, поселенного во крестьянство при Уктусском заводе Гарасима Попова». Согласно выпискам по делу, Попов был прислан «за караулом» при указе Берг-коллегии 12 декабря 1728 г. в Екатеринбург как беглый Уктусских заводов писчик, «за напрасное сказывание слова Государева» и за побег наказанный кнутом. Он был прислан на заводы в работу, в октябре 1734 г. показан поселенным при Уктусском заводе крестьянином, платящим подушную подать. 28 октября 1735 г. указ уральской Канцелярии о назначении Гарасима Попова учителем вместе с ним был отправлен на завод [Там же, оп. 1, д. 577а, л. 251–254 об.].

О дальнейшей его судьбе появляется информация в связи с подачей Поповым 4 июля 1737 г. доношения в контору Сысертского завода о выдаче ему жалованья за дни ареста. Заводской управитель Петр Зеленой в свою очередь отправляет доношение в Канцелярию, где наводятся справки по делу и принимается решение [Там же, д. 691, с. 162–169]. Становится понятным, что, проучив детей чуть более года, 2 декабря 1736 г. Попов был взят в конторе под караул, якобы за кражу денег из местной церкви, 20 декабря отправлен в уральскую Канцелярию, оттуда – в Контору судных и земских дел. 31 мая 1737 г.

Попов возвратился на Сысертский завод при указе о снятии с него обвинения.

Из выписок по делу о выдаче жалованья за дни ареста выясняется, что «на место ево, Попова, ко обучению школьников велено быть из ссыльных, присланных в поселение, Степану Петрову ис поденной плакатной дачи до указа». Ссылный Петров обучал детей ровно полгода, с декабря 1736 г. по май 1737 г. Из 182 дней 125 было рабочих, 57 праздничных. За зимние 79 дней ему причиталось по 4 коп. в день, за 46 летних – по 5 коп. Всего ссыльный получил 5 руб. 68 коп., и от жалованья Попова за эти месяцы осталось всего 3 руб. 32 коп. Хотя Попов, являясь невиновным, должен был получить жалованье полное, ему предписывалось выдать лишь оставшееся, ожидая остальную сумму, когда найдут виновника кражи [Там же, л. 164–167]. Ясно, что жалованье учителям словесных школ было чрезвычайно низким, чуть больше, чем у ссыльных людей, получавших его по Плакату.

Ведомости об успехах учащихся Сысертской школы были отправлены в Екатеринбург за подписью управителя завода Зеленого и подканцеляриста Родюкова в 1737 г. сразу же за все трети 1736 г. [Там же, д. 625, л. 9–12, 13–16 об., 17 об. – 20 об.]. Из них следует, что занятия в школе начались 1 ноября 1735 г., состав учеников был стабильным, начали заниматься 32 ученика, 21 декабря к ним присоединился присланный из Екатеринбургской школы Дементий Порозов, уже твердивший часослов.

По левой графе ведомости, где отмечалось, «из каких чинов», мы можем судить о социальном составе школьников. Самой большой группой, составившей почти треть учащихся, стали дети молотовых мастеров (12 чел.), молотовых подмастерьев (4 чел.), молотовых работников (2 чел.). По одному человеку – дети угольного мастера, подмастерьев колотушечного и фурмового, доменного работника, доменной засыпки (пасынок). Кроме того, в школу были приняты дети плотников (4 чел.), кузнеца, каменщика, колесника, ученика пильной мельницы и двое детей «обывателей».

Все ученики, кроме Порозова, начинали обучение с азбуки, в 1736 г. перешли к часослову, к концу года трое учили псалтирь. В ведомости, к сожалению, отсутствуют сведения о возрасте учащихся, они впервые появляются лишь за вторую треть 1737 г., причем с уточнением, сколько лет было каждому из учеников два года назад, когда открылась школа.

Благодаря этому видно, что в словесную школу в 1735 г. были зачислены дети всех возрастов, от 6 до 16 лет. Иван Черных, сын молотового подмастерья, был самым юным, 6 лет (в 8 он уже осваивал 9-ю кафизму псалтири и писал буквы). 7 лет было сыну молотового масте-

ра Василию Филинкову; 8 и 9-летних набралось по 4 человека, 10 лет – трое, 11 лет – четверо, 12 лет – шестеро, 13 и 14 лет – по трое, Ерофею Емельянову, сыну плотника, исполнилось 16 лет [Там же, д. 694, с. 259–263]. Можно утверждать, что только благодаря открытию школы при заводе в 1735 г. эти дети получили возможность овладеть грамотой, а потом обучаться и арифметике. Без открытия школы частным путем грамотой бы овладели лишь единицы.

23 марта 1737 г. в Канцелярии, слушая ведомости об успехах учеников за 1736 г., определили «к управителю Зеленому послать указ, в котором написать, чтоб он над школою имел смотрение, и для чего школьники по два года учат одни азбуки, исследовав, сюда репортовал, а особливо смотрение иметь над жалованными и над учителями, чтоб учили прилежно» [Там же, оп. 12, д. 242, л. 331]. Это замечание напрямую относилось к Герасиму Попову, обучавшему детей до декабря 1736 г. В мае 1737 г. Петр Зеленой оправдывался доношением: школьники вступили в обучение 1 ноября 1735 г., в январскую треть 1736 г. вступили «в азбуках», но в той же трети, кроме одного, начали учить часослов, в майской и сентябрьской трети «обучали все часословы и псалтири» [Там же, оп. 1, д. 625, л. 22 – 22 об.].

Но замедление в обучении имело место. В первой трети 1737 г., когда обучал ссыльный Петров, в школе числился 31 ученик, напротив фамилий двух лучших по успехам, Артамона Афонасьева и Петра Залесова, написано: «псалтырь обучил, в письме слов», 10 человек учили псалтырь, 14 – часослов, причем один ученик осваивал еще 1-й час, трое – 3-й час, в отношении одного беглого ученика отметки об успехах нет [Там же, д. 694, с. 125–132].

В ведомости за вторую треть 1737 г. – 32 ученика, из них двое новых, присланных из Уктусской словесной школы в июне месяце: Осип Яковлев, сын угольного мастера, и Григорий Беляев, сын доменного подмастерья [Там же, с. 259–263]. Первый 16 июля заболел и 23 числа скончался, второй учил псалтырь и писал буквы [Там же, с. 263.]

В конце 1737 г. число учащихся увеличилось до 52. В декабре состоялся второй массовый прием в школу – был принят 21 человек, причем по решению самой конторы [Там же, д. 762, с. 316]. Один из них, сын ученика лесного надзирателя Л. Юрьев, 13 лет, уже учит псалтырь и пишет прописи, его восьмилетний брат учит часослов, дети молотовых подмастерьев Наумовы, 9 и 8 лет, и Богданов, 9 лет, тоже показаны в часослове [Там же, д. 694, с. 80–88]. Данные о переводе их вместе с отцами с других заводов, где действовали школы, отсутствуют, возможно, родители начали обучать их на дому.

Примечательны данные о возрасте новичков: 5 лет – двое, 6 лет – пятеро, 7 лет – четверо, 8 лет – шестеро, 9 лет – трое и один 13 лет.

Таким образом, в отличие от первого набора в школу, в ходе второго «подчистили» всех «малолетов» от 5 до 9 лет, которые в 1735 г. остались за бортом школы. Можно утверждать, что прием детей по достижении школьного возраста на Сысертском заводе был налажен, подраставшие дети зачислялись для обучения вовремя.

В первой трети 1738 г. в школе числилось 53 ученика: с февраля 1738 г. появился переведенный из школы Каменского завода Архип Ереминых, сын угольного мастера, учивший букварь. Напротив восьми фамилий отмечено: «грамоте и писать обучился», один «вытвердил все науки», трое обучили псалтирь и пишут; 12 учат псалтирь и параллельно учатся письму; 1 учит псалтирь, остальные – часослов [Там же, д. 737, с. 28–34]. Ясно, что параллельное обучение чтению и письму в школе фактически отсутствовало. Жалованье получало большинство учащихся, кроме детей мастеров (их 21, или 61 %).

9 июня 1738 г. Попов подал в контору доношение с приложением реестра о завершении обучения грамоте нескольких учеников и наличии непонятливых, «которые хотя и обучаютца, токмо чрез силу, которого дни что обучит, а на другой день и позабудет». Контора сообщила об этом в Канцелярию. В реестре числились 8 обученных грамоте учеников: 15-летние сыновья плотника Корнило Пайвин, фурмового подмастерья Артамон Афонасьев; молотовых мастеров Малафей Медведев, Афанасий Мухлынин; Петр Сомов (12 лет); пасынок подмастерья Петр Залесов (11 лет), обывательский сын Архип Медведев (14 лет) и сын ученика лесного надзирателя Леонтий Юрьев (13 лет). Среди непонятливых упоминалось пять подростков в возрасте от 11 до 15 лет [Там же, д. 762, с. 45–46]. 8 июля 1738 г. уральское начальство распорядилось: непонятливого обывательского сына Галкина, 11 лет, если написан в подушных книгах, отдать отцу, осиротевшего сына молотового мастера Рушенцова, 15 лет, определить к ремеслу или в закомплектные работники, об остальных непонятливых умалчивалось.

Фактически в этот день было принято решение об открытии арифметической школы при Сысертском заводе: «обучать арифметику и геометрии тому ж учителю Попову, ибо он сам обучен в школе и арифметик знает, а для обучения словесному в помочь выбрать ему из обученных школьников одного» [Там же, с. 48]. Так сам Попов стал параллельно обучать арифметике подростков, за два с половиной года овладевших грамотой. При этом начальство предписало: в ученье поступать по Учреждению В. Н. Татищева 1736 г., «а не так, как у них по-старому обычаю чинится, что не обуча часослова и псалтири, якобы другим наукам учиться нельзя» [Там же.] Обучение арифметике началось на Сысерти, согласно ведомости, 24 июля 1738 г.

Из 53 числившихся в ней учеников к арифметике приступили не 8, а уже 14 человек [Там же, д. 756, с. 100–106].

Фамилию ученика, назначенного в помощь учителю в словесной школе, мы знаем благодаря подаче им в мае 1741 г. прошения о переводе в школу Каменского завода [Там же, д. 907, с. 240–244]. Это был лучший ученик школы, приступивший к изучению арифметики в числе первых, Корнило Пайвин. На Каменский завод в апреле 1740 г. был отправлен его отец-плотник, школьного жалованья по 33 $\frac{1}{4}$ коп. в месяц Корниле едва хватало на «одно пропитание». Отец же, писал Корнило, «одеждой и обувью ево не оставит». В сказке (здесь – в письменном объяснении. – А. С.) Попов сообщил, что из арифметических школьников вместо Пайвина помогать ему в обучении чтению и письму «достойн» ученик арифметики Петр Залесов. Определением Канцелярии от 14 июля 1741 г. Пайвин был отпущен в Каменскую школу, 28 июля указ об этом отправился в Сысерть. В течение трех лет Пайвин бесплатно помогал учителю в словесной школе и успел, по сути, завершить курс арифметики, дошел до 7-й статьи тройного правила. Но на деле помощником Попова с августа по ноябрь 1741 г. стал Иван Луговой, поскольку Залесов почти все время проводил «у письма» в заводской конторе.

В 1738 г. в связи с перерасходом штатных сумм на содержание школ при заводах в 1737 г. (на 1 313 руб. 43 коп. сверх положенных 1 500 руб.), уральское начальство, опасаясь, как бы с него не взыскали перерасход, 21 февраля 1738 г. приняло решение приостановить с 1738 г. выплату жалованья учителям (кроме иностранцев, работавших по контракту) и получавшим его ученикам [Там же, д. 760, с. 35–36.]

Только 31 июля 1738 г. выплаты учителям были восстановлены. Герасим Попов, проработав без оплаты семь месяцев, начал получать 12 руб. вместо прежних 18. Оклад был снижен всем учителям словесных школ. Школьникам же с августа разрешили выдавать по пуду ржаной муки в месяц в счет будущего школьного жалованья, но лишь сиротам и детям «отставных от ремесел» [Там же, д. 762, л. 775]. Цена хлеба на Урале повысилась в 2–3 раза, разразился голод, решение вопроса о выдаче хлеба имело жизненно важное значение. Получавших хлеб в Сысертской школе было всего пятеро из 53: пасынки молотового и угольного подмастерьев и засыпщика домны; брат закомплектного ученика и сын ученика лесного надзирателя [Там же, д. 756, с. 100–105].

В октябре 1738 г. уральское начальство запретило впредь давать жалованье детям подмастерьев, увидев, что оно было назначено чetyрем ученикам Сысертской школы, принятым в декабре 1737 г. и предписало вернуть с них деньги в случае, если они были выданы в конце года [Там же, д. 762, с. 324–325].

В списке за третью треть 1738 г. в школе числилось 49 чел., трое из них распределены к делам, пятеро по какой-то причине отданы дворянину Демидову, видимо, в составе всей семьи; двое переведены в Екатеринбургские школы [Там же, д. 756, с. 108–114]. В первой трети 1739 г. в школе было 40 учеников, к 39 оставшимся присоединился сын молотового мастера Т. Мурашов, 9 лет. Арифметику изучали 11 чел., трое учили псалтирь, арифметику и одновременно занимались письмом; по одному человеку учили псалтирь и часослов одновременно с письмом, остальные – «в часослове», новичок – «в азбуке» [Там же, д. 816, л. 25–27], т. е. параллельное обучение предметам стало практиковаться более широко – критика начальства возымела действие. Заметим, что благодаря учителю Попову в Сысертской школе ученики параллельно с освоением псалтири и письма приступали и к арифметике.

Из-за перевода учеников с отцами на другие заводы в конце 1739 г. в школе осталось 35 человек, в первой трети 1740 – 30, но 3 июля 1740 г. к ним добавилось еще 16. Состоялось третье массовое зачисление детей, подоспевших по возрасту к обучению: 7-летних среди них числилось 10 чел., 8-летних – четверо, 9-летних – двое. Из них 6 были детьми мастеров, 2 – подмастерьев, 5 – заводских работников, 1 – подштейгера, брат конюха и сын самого учителя Фирс Попов, 7 лет. Отметим, что двое детей 7 и 8 лет уже учили часослов [Там же, д. 857, л. 125–128]. Ясно, что деятельность школы стала вызывать у родителей понимание важности раннего овладения грамотой и они начали на дому обучать детей за плату. В 1741 г. в школе было 45 учеников, но в конце года осталось 42 [Там же, д. 906, л. 49–53 об., л. 124–129].

На основе подсчета фамилий учащихся, упоминаемых в ведомостях, можно утверждать, что с ноября 1735 г. до сентября 1742 г. в Сысертской школе прошли обучение как минимум 75 человек. К 33 учащимся, принятым в 1735, еще дважды добавлялись две большие группы детей: 21 чел. в декабре 1737 г. и 16 – в июле 1740 г. Пятеро были зачислены поодиночке, видимо, в связи с переводом их отцов с других заводов для работы на Сысертьском.

Использование учеников в интересах заводских властей констатируют ведомости с осени 1740 г, т. е. на пятом году деятельности школы. Но, как и при других заводах, все они были учениками арифметической школы: в заводской конторе «у письма» побывало трое изучавших арифметику: Сомов – с 15 сентября до 25 ноября, Залесов – с 10 сентября до конца года, Афонасьев с 1 сентября 1740 г. до июля 1741 г., т. е. на протяжении 10 месяцев, пока его не определили в горные писари [Там же, л. 11–14].

В 1741 г. Сомов использовался в заводской конторе для письма с 29 мая до 1 июля, 26 июля по требованию Канцелярии был вызван в Екатеринбург для помощи профессору Академии наук Герхарду Миллеру в копировании документов о заводах Строгановых и Демидова, пробыл у него до 4 августа, потом, видимо, использовался Канцелярией, вернулся в школу 17 августа, работал в заводской конторе с 25 сентября до 5 октября. Залесов в 1741 г. трудился в конторе с февраля по апрель, с 18 мая и до конца года [Там же, л. 124–129; д. 907, с. 245–246].

В 1741 г. трое учащихся были взяты «к размерению Сысертской крепости и протчего»: Бочкарев с 17 октября до 24 декабря, Филинков – с 17 октября до 20 ноября. Мухлынин работал в Канцелярии в Екатеринбурге с 26 июля до 17 августа, в заводской конторе – с 27 сентября до 16 октября, измерял крепость с 17 до 27 октября, выезжал в Екатеринбург с надзирателем работ 5–16 декабря [Там же, д. 957, л. 63–64 об.].

Филинков с декабря 1741 по март 1742 г. четыре месяца провел, переплетая книги в заводской конторе; Мухлынин месяц занимался той же работой в начале 1742 г., а шесть дней в марте был «в отлучке» с надзирателем работ. Залесов же работал в конторе с 18 мая 1741 г. до 26 марта 1742 г., т. е. более 10 месяцев.

В 1738 г. начинается распределение учеников к делам. В отношении Сысертской школы можно отметить следующую особенность: если на других заводах, особенно в Екатеринбурге, непонятливых учащихся, зачастую путем проведения специальной кампании, распределяли к делам, чтобы они не получали зря казенное жалование или в связи с острой нуждой в рабочих руках, то на Сысертском заводе нам известна лишь одна попытка определить к делам непонятливых учеников (в середине 1738 г.). Управитель завода заявил уральскому начальству о пяти таких учащихся, но сына обывателя Галкина разрешили оставить в школе, если он не записан в подушный оклад, и он был оставлен. Второго, Рушенцова, в июле определили в доменные ученики [Там же, д. 756, с. 100–106.]

В сентябре 1738 г. двое учеников, сыновья плотников Емельянов и Белоусов, 16 и 17 лет, были определены в доменные работники (первый учил псалтирь и писал прописи, второй – таблицу умножения). Сын молотового мастера Медведев, 16 лет, зачислен в комплект молотовых учеников [Там же, с. 108–109].

В ноябре 1739 г. пять учеников были определены «к мастерству»: сыновья молотовых мастеров Теплоухов, 19 лет, Мухлынин и Сабуров, 18 лет; сын молотового подмастерья Потоскуев, 17 лет и сирота Дуров, 16 лет, вернувшийся из бегов. Последний учил часослов, Мухлынин –

псалтирь и писал прописи, остальные приступили к арифметике [Там же, д. 857, л. 118–119].

В 1741 г. сын подмастерья Афанасьев, 18 лет, часто использовавшийся для письма, в июле 1741 г., почти завершив курс арифметики, был определен в горные писари, должность солидную и высокооплачиваемую [Там же, д. 906, л. 124]; в сентябре-октябре 1741 г. один сын молотового мастера, Луговой, 17 лет, был взят в молотовые работники, другой, Сомов, 16 лет – в доменные ученики [Там же, д. 957, л. 63–64].

В июне 1742 г. со школьной скамьи были определены к делам по линии отцов-мастеров Зубрицкий – в молотовые работники, Еремин – в угольные подмастерья, сын кузнеца Поздеев, 18 лет – в кузнечные ученики; сын молотового мастера Бочкарев, 17 лет, зачислен в закомплектные работники, один ученик отдан отцу [Там же, л. 193–194]. Как видим, все ученики были распределены к мастерствам на родном Сысертском заводе, причем некоторые – учениками при отцах.

Как минимум семь учеников были переведены на учебу в школы при других заводах в связи с переводом туда их отцов – на Екатеринбургский, Уктусский, Каменский и Верх-Исетский заводы. Пятеро учеников по какой-то причине были отданы дворянину Демидову, видимо, вместе с отцами. Пятеро учеников бежали из школы, вернулся к обучению один; двое учеников умерло от болезней. О судьбе некоторых учащихся ведомости умалчивают: их фамилии просто не упоминаются в ведомостях следующей трети года.

Герасим Попов, начав преподавать и арифметику с 1738 г., сразу же попытался путем подачи прошения ликвидировать несоответствие между повысившейся квалификацией труда и низким уровнем оплаты учителя грамоты. Он просил повысить жалованье с 12 до 18 руб., но ответа не получил. В сентябре 1741 г. он попробовал еще раз восстановить справедливость и получить разницу в окладе за прошедшие годы, начиная с 1738 г. При этом он указал, что жалованья 12 руб. не только на содержание семьи, «но и на один хлеб и харч с великою нуждою достает, отчего впал в неоплатные долги и пришел в нисечту». Но положительного решения учитель и на этот раз не дождался, как констатировалось пометой на документе 1747 г. [Там же, д. 2321, л. 51–51 об.].

В ноябре 1742 г. обучение грамоте и арифметике при Сысертском заводе пресеклось. В связи с хронической нехваткой финансовых средств, выделяемых заводскими штатами 1737 г. на деятельность школ, 11 сентября 1742 г. Канцелярия Главного заводов правления приняла решение о сокращении сети учебных заведений при заводах. Школы решили оставить лишь при четырех – Екатеринбургском, По-

левском, Алапаевском и Егошихинском, содержать в них на жалованье лишь сирот и детей отставных от дел, разночинцев и солдат, детей же мастеровых, заводских работников, подъячих и представителей прочих социальных категорий принимать в школы лишь по желанию родителей на их содержании [Там же, оп. 12, д. 308, л. 85–91]. В Екатеринбургской школе должны были обучаться дети с Верх-Исетского, Уктусского, Каменского и Сысертского заводов.

13 октября соответствующий указ уральского начальства поступил в Сысертскую заводскую контору. Предписывалось школу закрыть, учителя уволить, учеников, «коим должно быть в школе», прислать в Екатеринбург, непонятливых «малолетов» отпустить к отцам. 17 ноября 1742 г. управитель Сысертского завода Василий Раздеришин сообщил в Екатеринбург, что непонятливые ученики, получавшие жалованье, отданы отцам, обязавшимся представить их в 15 лет для определения к ремеслам, 26 чел. посланы с солдатом в Екатеринбург на смотр в Канцелярию, из них без жалованья обучался 21 чел., с жалованьем пятеро [Там же, оп. 1, д. 2321, л. 97–98].

Судя по справке 1743 г., где перечислены фамилии переведенных в Екатеринбург с других заводов школьников, получивших жалованье по апрель, среди них было лишь трое бывших учеников Сысертской школы, включая Денисова, переведенного накануне ее закрытия на Верх-Исетский завод, и братьев Ссыхиных [Там же, л. 128–129]. Число юных жителей завода, продолживших обучение в словесной и арифметической школах Екатеринбурга на своем пропитании по воле родителей, неизвестно.

По новому «расписанию школ» 1747 г., составленному по предложению президента Берг-коллегии А. Томилова, посетившего Урал годом ранее, при Сысертском заводе, как и при других периферийных, предполагалось открыть лишь словесную школу с 15 учениками, содержавшимися на жалованье [Там же, оп. 12, д. 371, с. 321], но Берг-коллегия на это «расписание» не отреагировала.

В 1748 г. школа при Сысертском заводе возобновила свою деятельность, но на этот раз не по инициативе властей, а по желанию мастеровых и работных людей. Как показал управитель завода Леонтий Бекетов, 9 сентября 1748 г. жители завода, «приказные, мастеровые и работные люди все обще, с общего согласия, договорились з бывшим здесь учителем, живущим в Багаряцкой слободе крестьянином Герасимом Поповым, обучать при здешнем заводе имеющих[ся] при них детей от 7 до 15 лет грамоте, словесному и писать, и арифметику на собственном их коште за договорную плату по дватцать по шести рублей в год, только книги иметь казенные. А ту плату давать ему деньгами повсягодно безотговорочно [Там же, оп. 1, д. 1377, с. 244].

27 октября 1748 г. уральское начальство дало на это «позвольтельный» указ, а также пошло навстречу учителю Попову, освободив его от заводских работ и необходимости платить подушную подать «натурою». Под школу предписывалось отвести «пристойный покой», в котором она и прежде располагалась, на дрова использовать валежник, чтобы не платить за отопление помещения [Там же, оп. 12, д. 380, л. 266].

Учеников, видимо, набралось достаточно: приказывалось выслать на завод 30 азбук, по 20 часословов и псалтирей, 10 букварей и одну арифметику. По мнению начальства, на первое время пособий должно хватить: хотя детей на заводе много, но по годам не все еще к учению «приспели». По окончании учебы подростки должны были отсылаться в Канцелярию для определения к делам. Примечательно, что в ноябре 1748 г. молотобоец Сысертского завода Ф. Тимирев просил перевести 7-летнего сына из Екатеринбургской школы, куда он отдал его учиться на своем содержании, в Сысертскую, и начальство разрешило, поскольку школа на заводе уже открылась [Там же, д. 382, л. 156].

Судя по доношению Сысертской конторы уральскому начальству от 9 ноября 1751 г., школа при заводе действовала более двух лет, с 20 ноября 1748 г. до 26 февраля 1751 г., когда Попов доношением в контору «объявил, ... что написанных школьников обучать он более не желает» и в тот же день, 26 февраля, уехал с завода в Багарякскую слободу, «а те школьники и поныне находились здесь праздно» [Там же, оп. 1, д. 1377, с. 241–242].

Удивительно, что местное начальство осталось равнодушным к факту прекращения обучения детей. Родители в очередной раз по прошествии почти девяти месяцев подняли вопрос о продолжении обучения. 9 ноября 1751 г. в конторе «разных мастерств мастеровые и работные люди доношением просили для обучения показанных детей их на их коште, також учителя дать». Управляющий заводом в тот же день обратился с доношением в Канцелярию: «требовать достойного учителя на их коште, ибо здесь никого такова нет... А ныне между тем, пока прислан учитель не будет, написанных школьников обучать из здешних же старших и знающих учеников Андрею Казанцеву» [Там же, с. 241–242]. Таким образом, под воздействием родителей решением местных властей учение временно возобновилось.

Уральское начальство отреагировало быстро. Получив доношение 19 ноября 1751 г., на третий же день потребовало дополнительно показать: в договоре с Поповым указан ли срок, на какой он взялся обучать детей и по каким причинам отказался: «с согласия ль тех мастеровых и работных людей или от их неудовольствия, или же своим упрямством не хочет у того быть» [Там же, с. 243].

Прошло почти пять месяцев, и только 7 апреля 1752 г. управляющий заводом Л. Бекетов объявил в Канцелярии, что срок обучения в договоре не назывался и изложил мотивы, почему учитель отказался выполнять договор: «Попов скаскою объявил: от обучения отказался затем, что мастеровые и работные люди за труды ево денежной платой... не довольствуют и всегда с великим шумом плату по несколько [человек] дают и то неполную, а отговариваютца, что де им не токмо за учение детей своих плату давать, но и [на] пропитание за дороговизною хлеба, и что с иных вычитаютца подушные деньги и другие вычеты, затем де учителю платить нечего. И от того он, Попов, пришел во всеконечное раззорение и скудость» [Там же, с. 244].

Начальство не удовлетворилось объяснениями одного учителя, и потребовало взять сказки (т. е. записать объяснения) от мастеровых, «изъясня о том точно, возвратить в Канцелярию немедленно» [Там же, с. 245]. Через неделю Бекетов вызвал в контору родителей и взял с них сказку, благодаря которой мы имеем данные о социальном статусе родителей учеников и их фамилиях: «молотовые мастера Самойло Фокин, Никифор Филинков, Григорей Забродин, Семен Лавров, Ефим Сабуров; доменной подмастерье Максим Кузнецов; рудокопщики Прокопей Ширикалов, Петр Сапожников, Иван Ругоевской с товарищи». Они показали, что денежная плата за первый год обучения была «отдана сполна», 26 руб. За второй год Попов увеличил плату на 2 руб. и «тем стал быть недоволен, но еще стал требовать, чтобы ему платы давать в год по тридцати рублей, которой платы, сверх договора, мы ему, Попову, не дали» [Там же, с. 246].

Мастеровые объяснили и причину этого: «видя ево ко обучению детей наших нерачение, но всякой день летом и зимой отлучался в лес, а за каким случаем ходил, по спрашиванию нашему нам не объявлял». Заметим, никто из родителей грамотой не владел, за них расписался копиист Захар Бунков. Примечательно и то, что впервые среди учащихся мы видим детей рудокопщиков, трудившихся на рудниках при заводе, а они находились от него на расстоянии 6, 8 и 18 верст [Геннин, с. 466].

29 мая 1752 г. уральское начальство приказало: Попова к обучению детей «принудить, а что он от того отказался самовольно и против договора чинил непорядки, за то ево наказать. Если же и впредь от него против одного то же произойдет, то о том мастеровым людям объявить в канторе завода... и оной по тому разбирать и с виноватых чинить по указом» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1377, с. 248–249].

После полугодового перерыва Попов учительствовал всего год с небольшим, в июне 1753 г. опять был взят под стражу «по некоторому делу», отправлен в Екатеринбургскую судных и земских дел

контору и посажен в тюрьму [Там же, д. 1401, л. 91]. Дальнейшая судьба учителя нам неизвестна.

Судя по доношению заводской конторы в Канцелярию от 12 ноября 1753 г., осенью родители опять подняли вопрос об обучении детей: «мастеровые и работные люди объявили, что они учить на своем коште не в состоянии... у них многие получают жалованье малое и платят подушные деньги, некоторые души по две и по три. И за тем не токмо чтоб учителю плату производить могли, но и подушные деньги платить нечем, и по многосемейству своему как в пропитании, так и в одежде претерпевают всекрайнюю нужду. И просили, чтоб означенных их детей обучать на казенном коште или б до возрасту указанных лет отдать им на пропитание, а как в указные лета приспеют, то б определить куда способны явятца». Заводская контора подтверждала, что мастеровые «подлинно не в состоянии» платить за обучение, и, по ее мнению, следует обучение детей перевести на казенный кошт или отпустить к отцам. Учебники у них взяты на сохранение в контору [Там же, л. 91 об.].

Уральское начальство 9 декабря 1753 г. предписало заводской конторе составить список, сколько учеников «имеют быть в тамошней школе» на жалованье и без жалованья. Объявить отцам: «ежели оне для обучения там своим коштом детей своих учителя из вольных не приишут и обучать их не пожелают, то те их дети взяты будут для обучения указных наук сюда в школы» [Там же, л. 92 об.]. В принципе, на своем коште любой родитель мог обучать детей в Екатеринбурге, но без получения жалованья такое обучение было очень накладным для семьи. Оплачивать проживание на казенной квартире, постоянно доставлять пропитание за 40 км от дома или платить за прокорм хозяевам квартиры – все это требовало дополнительных расходов. К сожалению, нам неизвестно окончательное решение властей по этому вопросу.

Пример мастеровых и работных людей Сысертского завода очень показателен. Он свидетельствует, что они стали понимать необходимость обучения детей грамоте и арифметике. Деятельность школы с 1735 по 1742 г. оказала большое влияние на их сознание. Сами не владея грамотой, мастеровые поняли, что школьное обучение позволит их детям обеспечить себе более успешное будущее. Им оказалось легче обучать детей, оплачивая работу учителя по месту жительства, чем содержать их за свой счет в школах Екатеринбурга на бесплатном обучении.

Мастеровые Сысертского завода продолжали обучать детей грамоте и после закрытия школы в 1753 г. Об этом свидетельствуют следующие факты: в июне 1754 г. заводская контора требовала для

обучения детей мастеровых и работных людей завода «за собственные деньги» прислать из Канцелярии 10 псалтирей и 30 часословов; в июне 1758 г. – 10 азбук, 20 часословов и 10 псалтирей [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 449, л. 279–281; д. 497, л. 86 об. – 87]. Некоторые отцы после обучения грамоте отдавали детей в Екатеринбургскую школу для обучения «дальним наукам»: в ноябре 1753 г. через контору просили об этом рудокопщик Сысертского завода Чечигин, в феврале 1758 г. – мастер Турский [Там же, д. 442, л. 97; д. 493, л. 116]. В 1757 г. завод был передан во владение купцу А. Ф. Турчанинову [см.: Металлургические заводы, 2001, с. 451], начался новый период его истории.

Будрин В. И. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Научная конференция по истории Екатеринбурга – Свердловска (26–29 мая 1948 г.): материалы. Свердловск : [б. и.], 1950.

Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735. М. : История заводов, 1937.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Уральское горное управление.

Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. : энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 2001.

Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия: К истории профессионального образования в России. М. : Гудок, 1944.

Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.

УДК 94(47).072/.073:377

Т. Н. Кандаурова

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЮЖНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕПАРТАМЕНТА ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Создание военных поселений кавалерии в 1810-е гг. привело к изменению направленности хозяйственного развития южных регионов России – Слободской Украины, Херсонской и Екатеринославской губерний. Одновременно организация нового военно-хозяйственного института способствовала развитию здесь системы сельскохозяйственного образования. В статье на основе анализа материалов Департамента военных поселений рассматривается процесс подготовки кадров специалистов-агров